

Подлинная история жизни старого энтомолога

Я читаю только биографии, личные дневники...

Мне нужно быть уверенной, что то, о чем я читаю, было в действительности.

Из фильма Ивона Марсиано «Эмилия Мюллер»

Говорят, будто любой образованный (в старорежимном смысле) человек способен написать по меньшей мере одну увлекательную книгу: автобиографию. Насчет «любой» — это, может, и преувеличение, хотя и не слишком сильное. Ведь есть сферы деятельности, где одно лишь честное бытописание профессионального сообщества (вписанное в контекст исторической эпохи) почти гарантирует читательский успех; ну а уж если за дело берется человек, обладающий литературным даром, природной наблюдательностью и чувством юмора!..

Наверное, любой из нас, энтомологов, попав впервые студентом (а то и школьником) на чаепитие с участием стариков-титанов — где-нибудь на хорах Зоомузея МГУ, в лабиринтах межколлекционными шкафами красного дерева в питерском Зоологическом институте или в полуподвале Палеонтологического института на Малой Полянке, — слушал, открывши рот, забавные воспоминания студенческих лет, экспедиционные байки, рассказы об общении с совсем уж классиками естественных наук и думал: «Господи, ведь все, все это надо записывать, чтоб не пропало для истории!» И никто, конечно, в итоге ничего так и не записывает — всегда находят дела поважнее...

Шестидесятые и семидесятые годы были периодом бурного расцвета отечественной науки, по крайней мере многих ее отраслей. Это вполне относится и к энтомологии. В то время нашим энтомологам редко удавалось участвовать в экспедициях в далекие страны (этому мешал железный занавес), но в их полном распоряжении были сокровища Средней Азии — прекрасного и удивительного края, где на каждом хребте можно найти виды-эндемики, а высотная поясность приводит к тому, что невдалеке от пустынь располагаются горные тундры и ледники. На экспедиции в Среднюю Азию и другие регионы нашей страны, а также в отдельные дружественные страны (особенно Монголию и Вьетнам) средства выделялись щедро, и экспедиционная жизнь кипела и переливалась через край. Прежде всего именно эту эпоху и описывает в своих воспоминаниях, отлично передавая ее дух, Виталий Николаевич Танасийчук, специалист по интереснейшим насекомым — мухам-серебрянкам (семейство *Chamaemyiidae*) — и сотрудник ведущего зоологического учреждения нашей страны — Зоологического института Академии наук.

Название «Цокотуха ли муха?» может, пожалуй, озадачить, а то и отпугнуть читателя. Поясним, о чем идет речь. Одно из многочисленных направлений проводимых Виталием Николаевичем разносторонних исследований мух-серебрянок касалось строения крошечных «стрекотательных» аппаратов, с помощью которых самцы некоторых видов этого семейства издают привлекающие самок звуки, проводя острым краем бедра по зубчатому чешуйкам, расположенным у основания брюшка. Чтобы рассмотреть эти структуры в сканирующий электронный микроскоп, на препараты мух нужно было напылять тончайший слой золота, делающего исследуемую поверхность электропроводящей. И однажды исследователю пришла в голову не-

Виталий Танасийчук.
Цокотуха ли муха?
Записки старого энтомолога.
Москва:
Товарищество научных изданий КМК, 2011

ожиданная мысль. Оказывается, способность некоторых мух стрекотать, открытую в середине XX века, еще в начале века удивительным образом угадал Корней Иванович Чуковский, причем угадал не только само явление, но и метод, который использовали впоследствии для его изучения, ведь Муха у Чуковского не только Цокотуха (а цокотать — это примерно то же, что стрекотать), но и позолоченное брюхо!

Подзаголовок («Записки старого энтомолога») говорит о содержании книги намного больше. А будь он выдержан в стиле XVIII и XIX века, когда авторы старались уже в названии поведать читателю как можно больше, — звучал бы, например, так: «Подлинная история жизни старого энтомолога, сына репрессированных гидробиологов, в юности — начинающего археолога, впоследствии также фотографа, ныряльщика, спелеолога, популяризатора науки и музейного работника, написанная им самим».

Хотя большая часть книги и посвящена экспедициям и научным исследованиям шестидесятых и семидесятых годов, начинается она с детских и ранних юношеских воспоминаний о совсем иной эпохе — предвоенной. И о совсем иной социальной среде — лишенной, о самом существовании которых по нынешнему времени как-то подзабылось. Про сталинские лагеря и шарашки мы — благодаря Шаламову, Солженицыну и другим — кое-что знаем, а вот про жизнь и быт людей (а их были миллионы!), странным капризом судьбы угодивших вместо лагерей в дальнюю многолетнюю ссылку с поражением во всех правах, когда тебя то приподнимают до «вольноотпущенника» с работой по специальности, то вдруг грузят, растолкав среди ночи, в промерзлый декабрьский трюм и везут неведомо куда, то вновь отдают под нескончаемое следствие, — почти ничего не известно. И в этом смысле соответствующие главы книги Танасийчука — бесценный источник информации. Автор пишет обо всех тех перипетиях предельно безэмоционально, не нагнетая страстей и концентрируясь на чисто бытовых деталях, — и именно эта отстраненность производит совершенно удивительное впечатление: *sapienti sat*.

Впрочем, не будем о грустном! Вернемся в солнечную эпоху шестидесятых, когда автор уже закончил университет (социальный лифт ему все же не перекрыли, несмотря на происхождение) и перед ним открылся Весь Мир размером в

«одну шестую часть суши»: любимая работа и путешествия с приключениями — что может быть прекраснее!

«Веселая легкость играла в крови, мной владело блаженство высоты — и плевать, что это начало кислородного голодания, высотная эйфория. Вокруг лежал невероятный, ни с чем не сравнимый мир, и я был наедине с ним. Передо мной высился Гиндукуш.

...Лед не вмещался в ущельях и цирках, переливался через гребни, тек мощными реками ледников. Крутая стена, выходящая к Пянджу, рассекалась ущельями, по которым лед спускался очень низко, много ниже высоты, на которой находился я. Это был северный склон; не раз потом я поднимался на гребень какой-нибудь горы по белоснежному южному склону и, выходя навстречу, видел спускавшиеся вниз бескрайние фирновые поля, зачастую покрытые рядами кальгоспоров — высоких остроко-нечных выступов, наклоненных в сторону полуденного солнца. Яростное высокогорное солнце субтропических широт не растапливает лед и фирн, оно испаряет их, образуя эти фигуры, похожие на склоненных в молитве людей. Недаром кальгоспоры называют «снегами кающихся».

...Мне дано было видеть, как разливался пурпур на снегах Гиндукуша, как он переходил в зеленые, фиолетовые, густо-красные тона. И как долго горела зеленым светом одна вершина, похожая на слегка наклоненный каменный меч. А внизу ртутной лентой тянулся Пяндж и глыбами бастионов вставала около него древняя крепость Каахака».

Описания решения вполне детективных научных загадок (например, экологической связи между личинками изучаемых автором мух-серебрянок с высасывающими сок из растений червецами) постоянно чередуются с достойными авантюрного романа эпизодами, вроде одиночного высокогорного маршрута к заброшенной выработке, где в Средние века добывали драгоценный лазурит. Найденный там здоровенный обломок этого «окаменелого памирского неба» Виталий Николаевич подарил девушке, за которой тогда ухаживал, — а ее мама впоследствии весьма успешно использовала его как гнет при засаливании капусты: финал, поистине достойный О.Генри!

Или вот: «Вечером Рустам натягивает на двух шестах простыню, надевает темные очки, включает ультрафиолетовую лампу и направляет ее на полотно. Станный, пронзительный свет. Начинается вакханалия. Бабочки — совки, пяденицы и сатурнии, муравьиные львы и множество других насекомых вылетают вокруг простыни, садятся на нее, и Рустам осторожно складывает все нужное в морилки. Появляются фаланги; эти охотники пользуются случаем — сколько добычи.

Потом, разбирая собранное, мы со смехом вспоминаем историю, приключившуюся в Молдавии. Известный энтомолог (академик Молдавской Академии наук!) Яков Иванович Принц таким же образом ловил ночью бабочек на пригорочке недалеко от Кишинева. Ночь была душной, наш коллега разделся до трусов. Недалеко дорога, проезжают машины. Кто-то бдительный увидел, что голый человек пляшет на фоне ярко освещенной простыни, и сообщил в милицию. А там было известно, что из психушки накануне сбежал пациент. Свистнули в «скорую», те обрадовались и примчались: «Кто вы такой?» — «Я Принц». — «Ах, принц? Ничего, у нас и короли бывали!» — «Я академик Принц!» — «Ах, еще и академик? Дело ясное. Хватай его, обездвигивай!»

Прикосновение к Истории как к удивительному пересечению людских судеб можно порой ощутить довольно просто: через старую рукописную этикетку.

«...Этот вид еще никем не описан, но в институтской коллекции я его уже видел. Несколько экземпляров и одна и та же этикетка: Сарыкол, Памир, Рейхардт. И дата — 1928. Первая Памирская экспедиция, организованная Горбуновым и Крыленко.

Не все теперь знают эти имена. Николай Петрович Горбунов — секретарь Академии наук, некогда личный секретарь Ленина, один из организаторов советской науки (а также Соловецкого концлагеря). Николай Васильевич Крыленко — прокурор, а

Книгу можно заказать на сайте издательства: <http://avtor-kmk.ru>

КНИГИ

потом нарком юстиции, идеолог и исполнитель сталинских репрессий и в то же время незаурядный альпинист. Оба расстреляны в 38-м.

В Публичной библиотеке я нашел немало книг о той легендарной экспедиции; тут была и «Банда батьки Горбунова» Россельса, и книги кинооператоров Шнейдерова и Ерофеева, и фундаментальный труд немца Рикмерса «Алай, Алай!», перед титульным листом которого была помещена фотография скуластого киргиза с жиденькой бородкой, одетого в шубу и киргизскую шляпу ак-колпак. Из подписи я с удивлением узнал, что это и есть профессор, доктор и чего-то советник Рикмерс. Были тут и книги самого Крыленко, очень живо написанные; у этого яркого и страшного человека был немалый литературный талант. И во всех этих книгах и книжечках мелькало имя Акселя Николаевича Рейхардта, зоолога экспедиции, сотрудника ЗИНа (Зоологического института. — *Примеч. ред.*), человека немногословного, сдержанного, немного педантичного.

Мой старший коллега Олег Леонидович Крыжановский, зная мой интерес к Памиру и людям, работавшим там, как-то показал мне странно выглядящую рукопись. Три толстые папки, в них — пачки листов, написанных мелким, аккуратным почерком. Порой эти страницы были склеены из обрывков самой разной бумаги, мозаикой подогнанных друг к другу, — старых писем, рукописей, каких-то лекций с ятями и твердыми знаками... Это была рукопись монографии Рейхардта по жукам семейства *Histeridae*, или жуков-карапузиков. Он писал ее во время блокады Ленинграда.

Четкий и подробный анализ систематических признаков, подробные описания родов и видов. И вдруг перо срывается в сторону, а затем в квадратных скобках: «5 ч. вечера; здание ЗИН трясется от разрыва снарядов». На другом листочке, на полях: «12 XII 41, +1.5». Это, вероятно, температура в лаборатории, где Рейхардт не только работал, но и жил (в блокаду многие сотрудники перебрались в институт и жили на казарменном положении). Дальше — разбор запутанного вопроса с синонимией одного из видов. Затем: «Вероятно, ясность внесет изучение копулятивного аппарата, еще никем не исследованного; если не помру от голода, то выполню это. 16 XII 41».

Я расспрашивал о Рейхардте Ирину Александровну Четверкину, всю блокаду хранившую ЗИН. Аксель Николаевич, как и другие сотрудники, дежурил на крыше и тушил зажигалки, переносил в подвал самые ценные коллекции и постепенно слабел от голода. «В феврале я не видела его два или три дня и зашла к нему в кабинет. Он лежал на своем матрасе отекший, но выбритый, в белой рубашке и галстуке. Я спросила, почему он при таком параде; он ответил: ТУДА надо являться в приличном виде».

В ЗИНе, в зале перед кабинетом директора, висит мраморная доска с именами семерых сотрудников института, убитых на фронте, и тридцати девяти погибших в блокаду. Среди них — Рейхардт».

«Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов» (Исаак Ньютон). Танасийчук стоял на правильных плечах и написал хорошую книгу. Уже далеко не первую и, надеемся, отнюдь не последнюю!

К.Ю.Еськов, П.Н.Петров